

ски воспитанная» армія), теоріей, требующей полного поглощения человеческой личности «культурно-личностью». Евразійцевъ считаютъ учениками славянофиловъ, и сами они гордятся этой родословной. По праву - ли? Идея «соборности» - ключевой камень славянофильства. Но что понимали славянофилы подъ «соборностью»? Славянофилы были прежде всего **либералы**, хотя и особаго типа. Западно - европейской «гнилой» свободѣ, держащейся конституціонными подпорками, они противопоставляли свою, истинную свободу, никакихъ гарантій не требующую и основанную на христіанскомъ согласіи, на братской любви и взаимномъ довѣріи «Зем-

ли» и власти Идеи сверхличныхъ «реальностей» мыслились ими скорее въ качествѣ материнскаго лона, изъ коего каждая индивидуальная личность пріемлетъ свое бытіе и которое сообщаетъ ей свой обликъ, нежели въ качествѣ стихійныхъ силъ, играющихъ людьми, какъ вѣтеръ опавшими листьями. Портретная галлерія евразіійскихъ предковъ пестра и Аксаковыми, Кирѣевскими и Хомяковыми далеко не исчерпывается. Изъ-за ихъ благодушныхъ и величавыхъ ликовъ выглядываютъ въ ней физиономія Магницкаго и Архимандрита Фотія, и зловѣщая маска Лешина

П. Бицилли.

Политика и исторія въ „Исторіи русской революціи“ П. Н. Милюкова

Политика и исторія въ «Исторіи русской революціи» П. Н. Милюкова.

Русская революція не завершила еще своего бѣга. Не закончились еще ея *corsi e ricorsi*, не оформились результаты. Но и въ ходѣ еще незавершенныхъ процессовъ, въ самомъ теченіи того періода, которому только будущее призвано дать имя **Эпохи Русской Революціи**, уже собираются матеріалы и документы, составляются обвинительные акты и защитительныя рѣчи для грядущаго суда — Исторіи.

На ряду съ все возрастающими и съ дня на день становящимися все менѣе удобообозримыми матеріалами мемуарнаго характера, для будущаго судьбища по-

гда чрезвычайно высокой цѣнности, — дѣлаются уже сейчасъ, въ пылу еще не отшумѣвшихъ битвъ, попытки якобы объективнаго установленія фактовъ, ихъ группировки и объясненія. Появляются работы, пылающія дать не только хронику русской революціи, не только личныя о ней воспоминанія, но и ея исторію.

Наиболѣе значительной изъ такого рода работъ, посвященныхъ февральскому періоду русской революціи, является «Исторія (второй) русской революціи» **П. Н. Милюкова** въ трехъ томахъ-выпускахъ

Уже больше двадцати лѣтъ, какъ этотъ выдающійся представитель исторической науки, слѣдуя примѣру многихъ русскихъ

ученых, изъ любви къ родинѣ, долгу гражданина и патріота принесть тягчайшую для ученаго жертву — запяtie своей профессіей. Если нельзя говорить о полномъ вытѣсненіи научныхъ интересовъ Милюкова интересами политическими, то нельзя отрицать и того, что его активность сосредоточилась за послѣднія десятилѣтія преимущественно на политической борьбѣ. Только изрѣдка и урывками, въ промежуткѣ между очередными политическими кампаниями, удавалось П. Н. Милюкову выступить съ какой-нибудь лекціей или выпустить книгу, почти всегда носившую печать времени и цѣли, ради которой авторъ съ ней выступалъ. Обострявшаяся борьба и нужды дня все чаще заставляли русскаго ученаго смѣнять медлительную записку лѣтописца на скоропись публициста и журналиста.

Мы не будемъ расцѣпывать П. Н. Милюкова какъ политика, Но говоря о П. Милюковѣ, какъ авторѣ «Исторіи русской революціи», нельзя не оговорить все-таки того, что Милюковъ нынѣшній, радикаль и республиканецъ 1921-1926 г. г., какимъ мы всѣ его знаемъ, — не тотъ Милюковъ, какимъ многіе изъ насъ его знали въ описываемый имъ періодъ февраль-октябрь 1917 года и, главное, какимъ онъ былъ въ моментъ написанія своей «Исторіи». Больше того: Милюковъ не оставался равнодушнымъ и за время, которое ему потребовалось, чтобы написать и выпустить в свѣтъ свой трудъ. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно сравнить самую «Исторію», написанную между ноябремъ 1917 и августомъ 1918 г.г., и Предисловіе къ «Исторіи», да-

тированное 27 декабря 1920 г.

Назвавъ свой трудъ «Исторіей», П. Н. Милюковъ уже въ предисловіи къ нему оговаривается, что онъ самъ «хорошо сознаетъ, что для исторіи революціи въ строгомъ смыслѣ время не скоро настанетъ». Выбирая такое названіе, авторъ «хотѣлъ лишь сказать, что его цѣль идетъ дальше личныхъ «Воспоминаній». П. Н. Милюковъ считаетъ «и нескромнымъ, и чрезчуръ субъективнымъ» вводить читателя въ «интимную атмосферу событій, доступную только для ихъ непосредственною участника». Ему кажется, что время еще не наступило для опубликованія воспоминаній о революціи, ибо — «дѣйствующія лица описываемой эпохи еще не сошли со сцены, вызванныя ихъ дѣятельностью чувства еще далеко не улеглись, ихъ интимные мотивы не сдѣлались достояніемъ гласности».

Авторъ утверждаетъ, что его «Исторія» «принципально отказывается отъ субъективнаго освѣщенія». Субъективизму личныхъ воспоминаній авторъ — «историкъ по профессіи», какъ онъ подчеркиваетъ, предпочитаетъ «подлежащія объективной проверкѣ» факты. Поскольку вѣрны приводимые факты, постольку **безспорны**, по его мнѣнію, и вытекающіе изъ нихъ выводы. Авторъ знаетъ, конечно, что и самые факты не всѣ еще собраны съ надежащей полнотой. Но все же онъ «слѣдуетъ себя надеждой», что и при дальнѣйшемъ накопленіи и изученіи фактовъ «не очень измѣнятся намѣчаемые имъ выводы». Ибо, оказывается, — и «фактическое изложеніе не составляетъ главной задачи

«Исторіи». Оказывается, что въ «Исторіи» даны по преимуществу — «руководящія линіи, основные штрихи рисунка. Анализъ событий съ точки зрѣнія опредѣленнаго пониманія ихъ былъ той основной цѣлью, которая собственно и побудила автора взяться за составленіе «Исторіи». Изъ разсказа несомнѣнно вытекалъ **опредѣленный политическій выводъ».**

Въ этихъ словахъ ключъ ко всей исторіи революціи, написанной Милюковымъ.

Авторъ хорошо сдѣлалъ, указать на него въ предисловіи къ своему труду, написанномъ послѣ самаго труда. Къ тому же выводу приходитъ и читатель по ознакомленіи съ трудомъ. Конечно, «историка по профессіи» никто не заподозритъ въ томъ, что онъ завѣдомо «хотѣлъ подгонять факты къ выводамъ». Но онъ самъ признаетъ, что въ его «группировкѣ фактовъ уже данъ извѣстный комментарий къ событіямъ», что «опредѣленный политическій выводъ» **вытекаетъ** изъ его «разсказа». Разсказъ же всегда субъективенъ, даже когда онъ не **подбираетъ факты, а отбираетъ ихъ, «группируетъ»** или анализируетъ «съ точки зрѣнія опредѣленнаго пониманія», — что, по словамъ Милюкова, и составляло основную цѣль его работы и что превращаетъ ее изъ работы исторической въ работу публицистическую, чтобы не сказать опредѣленнѣе — партійно-политическую.

Давно уже было замѣчено, что въ **дѣленіи на періоды** — весь смыслъ исторіи, какъ науки, вся философія исторіи, какъ ряда смѣняющихся фактовъ и явленій. Въ той разбивкѣ на періоды

(періодизаціи), которую подвергаетъ событія февральской революціи Милюковъ, вскрывается съ полной ясностью весь политическій смыслъ его «Исторіи». Въ оглавленіи труда Милюкова уже замѣчены всѣ линіи и тенденціи его «Исторіи».

Первый выпускъ «Исторіи» говорить о «Противорѣчяхъ революціи». Онъ распадается на три главы, ограниченныя хронологически. Въ первой, «предисторической», подъ историческимъ **невѣрнымъ** заголовкомъ — «Четвертая Государственная Дума низлагаетъ монархію», описываются событія 27 февраля — 2 марта. Вторая глава — періодъ между 2 марта и 6 мая озаглавлена «Буржуазная власть подчиняется цѣдямъ социализма». Третья глава сводитъ смыслъ слѣдующихъ двухъ мѣсяцевъ революціи, 6 мая — 7 іюля, къ тому, какъ «Соціалисты защищаютъ буржуазную революцію отъ социалистической». Весь второй выпускъ состоитъ изъ одной главы — вопроса: «Корниловъ или Ленинъ?». Третій и послѣдній выпускъ озаглавленъ: «Агонія власти». Онъ распадается на рядъ очерковъ съ почти кинематографическими подзаголовками: «Демократія» принципиально отвергаетъ коалицію съ «буржуазіей»; «Демократія» идетъ на компромиссъ съ «буржуазіей»; Сила и слабость третьей коалиціи; Послѣдній шансъ послѣдней коалиціи; «Национальная потитика» итд «похабный миръ»; Большевики готовятся къ рѣшительному бою; Ликвидация сопротивленія большевиковъ подъ Петроградомъ и въ Москвѣ.

Послѣдній выпускъ сопровождается авторскимъ послѣсловіемъ.

Въ немъ П. Милюковъ предвидитъ, что его фактической разсказъ потребуетъ переработки по новымъ источникамъ. Но тутъ же «считаетъ излишнимъ предупредить, что появившіяся въ печати матеріалы и изслѣдованія по исторіи второй революціи не измѣнили ни въ чемъ существенномъ его пониманія этой исторіи». Авторъ вновь повторяетъ, что онъ «не хотѣлъ быть только мемуаристомъ» и потому «добровольно отказался отъ нѣкоторыхъ преимуществъ мемуарнаго изложенія, чтобы тѣмъ болѣе приблизиться къ выполнению задачи историка». Эту задачу, въ данномъ случаѣ, въ отлѣченіе отъ всей своей прошлой дѣятельности историка, Милюковъ понимаетъ своеобразно. Онъ проводитъ рѣзкое различіе между **будущимъ** историкомъ, «которому предстоитъ выяснитъ неизбѣжный характеръ послѣдовавшихъ событій, выведя его изъ трудностей войны и хозяйственной разрухи, изъ неподготовленности населенія къ практикѣ народовластія, изъ запоздалости національныхъ и социальныхъ реформъ, изъ малокультурности и необразованности и т. п.», и между историкомъ - **современникомъ**, «ближайшимъ участникомъ событій, развертывавшихся въ центрѣ». Последний «естественно будетъ смотрѣть на событія и оцѣнивать ихъ съ точки зрѣнія менѣе фаталистической... Ему трудно будетъ отказаться отъ убѣжденія, что все могло бы пойти иначе, если бы степень самосознательности и степень волевого напряженія у руководителей были иныя» (В. I, 56). Авторъ не хочетъ быть «философомъ исторіи русской революціи», обязаннымъ проникать во «всѣ глубокіе корни и нити, связываю-

щіе вторую русскую революцію со всѣмъ ходомъ и результатомъ историческаго процесса». Какъ онъ подчеркиваетъ, его задача «гораздо проще. Мы ставимъ себѣ цѣлью — возможно точное и подробное фактическое описаніе совершившагося на нашихъ глазахъ»

Я не думаю, чтобы такимъ образомъ поставленная цѣль именно въ данныхъ условіяхъ, когда фактическое описаніе совершившагося на нашихъ глазахъ исходить отъ лица, сыгравшаго одну изъ главныхъ ролей въ описываемыхъ событіяхъ, — была «проста». Во всякомъ случаѣ историкъ по профессіи вынужденъ быть придать два смысла исторіи, вынужденъ быть провести различіе между историкомъ будущимъ и современнымъ прежде, чѣмъ назвать свое описаніе «Исторіей». Ближайшее участіе политика Милюкова въ событіяхъ февральской революціи отняло возможность у Милюкова-историка быть нелицеприятнымъ лѣтописцемъ и судьей описываемыхъ имъ событій. Оцѣнка «ближайшаго участника» событій очень рѣдко совпадаетъ съ приговоромъ не только «будущихъ историкомъ», но и историкомъ вообще. Врядъ ли совпадетъ эта оцѣнка и въ данномъ случаѣ. Ниже мы увидимъ на конкретныхъ примѣрахъ насколько автору было «трудно отказаться отъ убѣжденія, что все могло бы пойти иначе, еслибы».. еслибы революція произошла не въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ она была дана исторически и произошла фактически, а — «по Милюкову» т. е., еслибы событія складывались не такъ «фаталистически», и дѣйствовавшіе на авансценѣ персонажи слѣдовали бы

словамъ и указаніямъ автора «Исторіи».

**
*

Когда началась революція? Кто «сдѣлалъ» ее? Что превратило «бунтъ» въ революцію? Какъ пало самодержавіе въ Россіи?

«Группировка фактовъ», отвѣчающихъ на эти **первые и элементарные** для исторіи революціи вопросы, убѣдительно все показываетъ, какъ рискованно для **сторонъ въ дѣлѣ**, даже когда онъ историкъ по профессіи, выступать въ роли судьи, тѣмъ болѣе историческаго судьи.

Февральскую революцію П. Н. Милюковъ датируетъ **шестнадцатымъ** годомъ. Это не описка. Это — «опредѣленное пониманіе» революціи, своеобразное голкованіе историкомъ Милюковымъ событій, въ которыхъ участвовалъ Милюковъ политикъ. 1-го ноября 1916 года Милюковъ, въ числѣ другихъ ораторовъ, обличавшихъ старый режимъ — Маклакова, Керенскаго, Шульгина, Пуришкевича, произнесъ съ трибуны 4-ой Государственной Думы рѣчь, въ которой каждый изъ обличительныхъ пунктовъ заканчивался вопросительнымъ рефреномъ: «Глупость это или измѣна?». «И хотя ораторъ, — пишетъ теперь въ своей «Исторіи» Милюковъ, — склонился скорѣе къ первой альтернативѣ, аудиторія своими одобреніями поддерживала вторую». Рѣчи ораторовъ этого дня были запрещены для печати, что устроило имъ самую широкую рекламу. Эти рѣчи стали переписываться и размножаться по странѣ, въ тылу и на фронтѣ, въ громадномъ количествѣ экземпляровъ. Милюковъ правъ, когда говоритъ, что «этотъ

отзвукъ явился краснорѣчивымъ показателемъ настроенія, охватившаго всю страну». Но онъ по меньшей мѣрѣ неточенъ, когда прибавляетъ: «теперь у этого настроенія была лозунгъ», не опредѣляя ближе содержанія этого лозунга. И онъ совершенно неправъ — и фактически и «философско-исторически», — когда приписываетъ не себѣ, а «общественному мнѣнію» Россіи, что оно «единодушно признало 1-ое ноября 1916 г. началомъ русской революціи».

Надо ли опровергать это утвержденіе? Надо ли спрашивать, изъ какихъ источниковъ почерпнулъ Милюковъ увѣренность въ единодушномъ признаніи россійскимъ общественнымъ мнѣніемъ **ноябрьской** даты **февральской** революціи? Надо ли указывать фактическую невязку между моментомъ произнесенія рѣчи и «настроеніемъ, охватившимъ страну» подъ влияніемъ этой рѣчи, все-таки протекъ извѣстный періодъ и, потому, уже во всякомъ случаѣ не 1 ноября датируется русская революція. Надо ли доказывать, что между «парламентскимъ словомъ» и возстаніемъ дистанція огромнаго размѣра, во всякомъ случаѣ — не меньшая, чѣмъ между бунтомъ и революціей, которой могъ не замѣтить Людовикъ XVI изъ своего тюльерійскаго окошка, но которая легко уловима всякимъ современнымъ политическимъ окомъ, тѣмъ болѣе — историческимъ.

Нѣтъ нужды отвѣчать на эти вопросы, потому что у самого автора «Исторіи русской революціи» можно найти описаніе фактовъ, противорѣчающихъ только что приведенному «опредѣленному пониманію» имъ русской революціи.

«... 23 февраля появились пер-

вые признаки народных волнений. 24-го мирные митинги усугубили мѣсто первымъ вооруженнымъ столкновениямъ съ полиціей, сопровождавшимся и первыми жертвами. 25-го работа фабрикъ и заведеній въ учебныхъ заведеніяхъ прекратилась: весь Петроградъ вышелъ на улицу. У городской думы произошло крупное столкновение народа съ полиціей, а на Знаменской площади, при такомъ же столкновении, казаки приняли сторону народа, бросились на конную полицію и обратили ее въ бѣгство. Толпа привѣтствовала казаковъ; происходили трогательныя сцены братанія. 26 февраля... въ громадномъ количествѣ толпа ходила по улицамъ, собиралась на митинги, вызвала столкновения, при которыхъ правительствомъ были пущены въ ходъ пулеметы... 27-го утромъ уже начинается форменное возстаніе въ казармахъ Волынскаго и Литовскаго полковъ. Движеніе началось среди солдатъ и застало офицеровъ совершенно неподготовленными: одиночныя попытки ихъ сопротивиться привели къ кровавымъ жертвамъ. Одновременно съ этимъ смѣшанныя толпы (солдатъ и штатскихъ) отирались къ арсеналу, заняли его и захватили оружіе, бросились къ тюрьмамъ освобождать арестованныхъ — не только политическихъ, но и уголовныхъ, подошли Литовскій замокъ, окружной судъ, охранное отдѣленіе на Тверской улицѣ и т. д.»

Этотъ сухой, почти протокольный перечень событій, разыгранныхъ всего въ одномъ, петроградскомъ углу Россіи, — типическая картина того, какъ происходятъ революціи во всѣхъ странахъ и у всѣхъ народовъ. И революція

имѣетъ свой штампъ. Былъ онъ и у февральской революціи, которую, конечно, никто не сдѣлалъ, которая сдѣлалась сама, вспыхнувъ въ столицѣ, перекнувшись мигомъ влудь страны и на фронтъ и испепеливъ безъ остатка трехвѣковое самодержавіе. И когда Милюковъ возглавливаетъ первую главу своей «Исторіи» — «Четвертая Государственная Дума низлагаетъ монархію», когда онъ утверждаетъ, что лишь вмѣшательство Государственной Думы дало уличному и военному «безформенному и безпредметному (!) движенію центръ», «дало ему знамя и лозунгъ и тѣмъ самымъ превратило возстаніе въ революцію» (В. I, 39), когда онъ повторяетъ слова, сказанныя имъ въ августѣ 17-го года на московскомъ государственномъ совѣщаніи «революція своей побѣдой обязана Государственной Думѣ, давшей санкцію перевороту» (В. II 143), когда онъ теперь удивляется какъ удивлялся и въ 17 году, — что избранная в 1912 году Дума была упразднена въ іюнѣ 17-го года, — тогда какъ на самомъ дѣлѣ удивляться надо было обратному, какъ могла Дума просуществовать нѣлыхъ четыре мѣсяца послѣ революціи, — мы не можемъ признать правильнымъ ни его представленія о революціи вообще, ни его «группировки» фактовъ, касающихся специально начала революціи 17 года.

Представленіе Милюкова о революціи страдаетъ изтишней **раціонализацией**, внесеніемъ въ историческую стихію политическаго смысла и разума по образу и подобию того, что кажется осмысленнымъ Милюкову — исто-

рику и что казалось таковымъ еще въ 17 году Милюкову-политику. Отсюда и его «догадки» о томъ, что броженіе среди петроградскихъ рабочихъ создано въ значительной мѣрѣ объединенными усиліями германскаго генеральнаго штаба и провокаторовъ русскаго департамента полиціи; отсюда и то преувеличенное значеніе, придаваемое Милюковымъ-историкомъ событіямъ и учрежденіямъ, въ которыхъ руководящую и видную роль игралъ Милюковъ-политикъ, въ частности, — его собственнымъ словамъ и рѣчамъ 1 ноября, 17 декабря, 14 февраля, 1 марта, 2 марта, 3 марта, — въ Государственной Думѣ, въ бесѣдѣ съ представителями совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, при соприкосновеніи съ манифестирующей толпой, при свиданіи съ вел. княз. Михаиломъ Александровичемъ, въ засѣданіяхъ Временнаго Правительства и т. д. и т. п.

П. Милюковъ, конечно, лучше другихъ знаетъ, что вышедшія изъ столичныйскаго переворота Государственныя Думы были безсильнымъ «игранищемъ власти» не пользовавшимся почти никакимъ авторитетомъ въ широкихъ кругахъ общественнаго мнѣнія и тѣмъ болѣе въ народныхъ низахъ. Это не относится къ отдѣльнымъ членамъ Думы, которые пользовались чрезвычайной популярностью и до революціи. Но и они были популярны не потому, что состояли членами третьейюновской Думы, а несмотря на то, или, точнѣе потому, что состояли въ крайней оппозиціи къ думскому большинству. Роль Думы еще можно считать сравнительно значительной въ предшествовавшіе ро-

люціи мѣсяцы. Въ февральскіе же и послѣдующіе дни роль ея не могла не быть ничтожной. Дума, какъ учрежденіе, всегда была противъ революціи, не хотѣла ея, боялась и ненавидѣла ее. Да Дума, какъ учрежденіе, и не дѣйствовала во время революціи. Ес замѣнилъ 12-членный Временный Комитетъ, который не столько руководилъ событіями, сколько руководился ими.

Авторъ «Исторіи» самъ отмѣчаетъ, что съ большимъ трудомъ, въ частности со стороны лидера конституціонно-демократической фракціи въ Думѣ Милюкова, созданное большинство Думы, — такъ назывъ «прогрессивный блокъ», — «кто самого конца» боролось противъ революціи «Но, — прибавляетъ онъ, — видя, что насильственный путь будетъ все равно избранъ и помимо Государственной Думы, оно стало готовиться къ тому, чтобы ввести въ спокойное русло переворотъ, который оно предпочитало получить не снизу, а сверху».

Мы позволяемъ себѣ усомниться въ томъ, чтобы думское большинство было столь макіавеллистически прозорливо въ то время, къ которому относятся приведенныя слова Милюкова. Но если большинство Думы и на самомъ дѣлѣ видѣло то, чего не видѣли другіе, какъ «лѣвые» представители социалистическихъ партій (См. мою статью «Паденіе русскаго абсолютизма» въ «Совр. Запискахъ» т. 18, стр. 261), такъ и правые, члены государственной Думы (Ср. «Крушеніе Имперіи» В. М. Родзянко въ Архивѣ русской революціи т. 17), если оно дѣйствительно чувствовало, что революція уже надвинулась вплотную, —

тогда тѣмъ болѣе неосмотрительно было съ ея стороны успокоиться на подготовленіи къ тому, чтобы ввести переворотъ въ спокойное русло **послѣ того**, какъ онъ произойдетъ. «Предпочитая» переворотъ сверху, большинство Думы пропустило **всѣ времена** и сроки для него и фактически получило переворотъ снизу, какъ обычно, — стихійный, т. е., введенію въ спокойное русло вообще не поддающийся. Это — не «лѣвое» пониманіе хода революціи. Это — объективное ея описаніе. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно знать мнѣніе такого умѣреннаго политика, какъ А. И. Гучкова, не въ воспоминаніяхъ и не въ историческихъ изслѣдованіяхъ, а въ показаніяхъ передъ верховной слѣдственной комиссіей, образованной Временнымъ Правительствомъ для разслѣдованія дѣйствій министровъ и другихъ агентовъ царской власти, и не въ первые, весенніе дни революціи, а на ея закатѣ, 2 августа, когда Гучковъ давно уже покинулъ постъ революціоннаго министра и, затаивъ раздраженіе противъ революціи, снова очутился на привычномъ для него правомъ флангѣ русской общественности, онъ показывалъ : «Вина, если говорить объ исторической винѣ русскаго общества, заключается именно въ томъ, что русское общество, въ лицѣ своихъ руководящихъ круговъ, недостаточно сознавало необходимость этого переворота и не взяло его въ свои руки, предоставивъ слѣпымъ силамъ, не движимымъ опредѣленнымъ планомъ, выполнить эту болѣзненную операцію»..

Однимъ изъ многихъ, осложнявшихъ ходъ русской революціи факторовъ было то, что револю-

цію возглавили, вулканическое изверженіе пыгались канализировать какъ разъ тѣ, кто своимъ прошлымъ отношеніемъ къ революціи меньше всего могли внушить довѣрія главному дѣйствующему агенту революціи — народу, массамъ, низамъ, — несущественно какимъ словомъ назвать фактъ преображенія вульгарнаго возстанія или бунта въ революцію. Отсюда то «двоевластіе», которое возникаетъ съ перваго же часа революціи, та безмѣрная подозрительность, которую проявляютъ представители возставшихъ и проводившихъ революцію народныхъ низовъ по отношенію къ возглавившимъ не свое дело «верхамъ». Временному Комитету Государственной Думы, а потомъ и къ большинству членовъ Временнаго Правительства. Отсюда и «претензіи» представлять «демократическіе классы рабочихъ, солдатъ, а затѣмъ и крестьянъ», которая съ перваго же дня революціи начали заявлять непредставленные или едва-едва представленные въ Государственной Думѣ лѣвыя партіи и группы, тутъ же сорганизовавшіяся въ петроградскомъ совѣтѣ рабочихъ и солдатскихъ — а послѣ и крестьянскихъ — депутатовъ. Отсюда же и тотъ «испугъ», который не покидалъ большинства членовъ Временнаго Комитета и перваго Временнаго Правительства. Только испугомъ и умѣрялось, по классической формулѣ Гладстона, ихъ постоянное **недовѣріе** къ основному фактору революціи — къ народу. Въ «Исторіи» приводится не одинъ примѣръ того, какъ «пануганный возраставшей волной возбужденія» Временный Комитетъ Государственной Думы, а потомъ и Времен-

наго Правительства, — «молчаливо отрекались» отъ своихъ мнѣній.

Что и говорить, двоевластіе всегда, и особенно въ острый періодъ революціи — зло. Подозрительность и претензіи социалистическихъ партій сплошь да рядомъ бывали фактически несобоснованы, а испугъ членовъ Думы и правительства, какъ показали послѣдующія событія, болѣе чѣмъ основательны. Но исторически и то, и другое, и третье, очевидно, было одинаково обусловлено и въ этомъ смыслѣ неизбежно. П. Н. Милюковъ не хочетъ быть «философомъ исторіи русской революціи». Тѣмъ не менѣе, пересказывая факты и событія русской революціи, онъ слѣдуетъ опредѣленной философіи исторіи. Согласно нея почти все злое и темное въ революціи — отъ социалистовъ и тѣхъ, кого социалисты «соблазнили» въ первую очередь — князя Львова, еретика к.-д.-ской партіи Некрасова и Терещенко. Все же или почти все свѣтлое благое — отъ «буржуазіи» (въ условномъ смыслѣ) или отъ руководимой Милюковымъ несоциалистической демократіи Мѣрою приближенія къ словамъ и дѣйствіямъ, предвидѣніямъ и предостереженіямъ, исходившимъ отъ лидера к.-д. партіи измѣряется въ «Исторіи» праведность и грѣховность всѣхъ личныхъ факторовъ въ революціи. Если бы то положительное и творческое въ революціи, все, почти безъ исключенія, было подготовлено **первымъ** составомъ революціоннаго правительства, въ которомъ участвовал П. Н. Милюковъ. Всѣ послѣдующіе отклонились отъ добра и впади въ зло. Если Совѣщаніе по выработкѣ закона о выборахъ въ

Учредительное Собраніе сдѣлало свое дѣло **послѣ** того, какъ смѣнился первый составъ правительства, Милюковъ гордится сдѣлать не совѣмъ точную отмѣтку: «во всякомъ случаѣ основныя положенія избирательнаго закона были уже выработаны раньше Юридической комиссией: это тѣ самыя положенія, которыя были доложены Ф. Ф. Кокошкинымъ на апрѣльскомъ съѣздѣ партіи народной свободы и приняты партіей».

Интересная работа П. Н. Милюкова не есть ни философія, ни исторія русской революціи. Это — исторія и философія участія въ революціи к.-д.-ской партіи. Это — феноменологическое изображеніе русской революціи, въ которомъ «міровой разумъ исторіи» раскрывается въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ сопричастныхъ къ революціи членовъ — по преимуществу лидера — партіи к.-д. Этимъ объясняется, въ частности, и то, что «Исторія» ограничивается исключительно **политической** стороной революціи и описываетъ факты, происходившіе, главнымъ образомъ, въ Петроградѣ.

Мы не пишемъ здѣсь своей исторіи русской революціи, не вскрываемъ нашего пониманія причинъ неудачи и срыва февральской революціи. Мы не станемъ, поэтому, взамѣнъ искусственной, и, какъ мы утверждаемъ, партійно-политической конструкціи и схемы Милюкова, предлагать свою, вѣроятно, тоже не чуждую политической окраски. Мы ограничимся примѣрными иллюстраціями неприемлемаго въ «Исторіи», предопредѣленнаго **неправильнымъ**

подходомъ и преходящими, не-историческими заданиями автора. Приходится ограничиться указаніемъ на противорѣчія въ изложеніи и аргументаціи, отводящей главенствующую роль въ ходѣ и исходѣ революціи субъективному фактору.

П. Н. Милюковъ считаетъ, что вся намѣченная первымъ составомъ Временнаго Правительства программа была или осуществлена или подготовлена къ осуществленію. Но онъ не могъ не упомянуть о «тѣхъ трудностяхъ, которыя, быстро возрастая, парализовали уже къ концу втораго мѣсяца работу перваго состава Временнаго Правительства». Каковы эти трудности? Одна — подлинная, объективнаго порядка, — исчезновеніе власти въ провинціи: старая власть была упразднена, новая не успѣла создаться, получить авторитетъ моральный и фактический. Но другая «трудность», на которую указываетъ Милюковъ, — мнимая: поскольку она — простой гротескъ

Нельзя думать, что «міровоззрѣніе» руководителя внутренней политики кн. Львова, говорившаго въ частныхъ и публичныхъ рѣчахъ, что мѣстные вопросы должны рѣшаться не изъ центра а съ мимъ населеніемъ, — «мы и можемъ творить новую жизнь народа не для народа, а вмѣстѣ съ нимъ»; «будущее принадлежитъ народу, выявившему въ эти историческіе дни свой гений»; «свобода, пусть откаются другіе, я никогда тебя не усомнюсь» ит. д., — это совладеніе «интернационалистической концепціи кн. Г. Львова съ идеалистическими славянофильскими чаяніями» и есть под-

линная причина «систематическаго бездѣйствія» вѣдомства внутреннихъ дѣлъ и «самоограниченія центральной власти». Во всякомъ случаѣ невѣрно утвержденіе, что власть была выпущена кн. Львовымъ и захвачена социалистическими партіями. Выпустить можно лишь то, чѣмъ обладаешь. Властью же, реальной, дисциплинированной, Временное Правительство, особенно перваго состава, не обладало, не успѣло ни организовать ее, ни вступить въ обладаніе ею.

Въ сознаніи отсутствія реальной власти, въ твердомъ ощущеніи, что все государственное управленіе держится на словѣ и опирается на моральный, только моральный авторитетъ, была и личная трагедія вождей февральской революціи, и объективная для нихъ необходимость не столько командовать и приказывать революціи, сколько се «уготоваривать», взывать, иногда завѣдомо переоцѣнивая роль слова и переубѣжденія, къ чувству и разуму, а не къ вооруженной силѣ, которую все равно не откуда было и взять. Не по добродѣтели только, но и изъ нужды заявляло Временное Правительство въ воззваніи къ гражданамъ отъ 26 апрѣля, составленномъ единомышленною П. Милюкова покойнымъ проф. Кокшенинымъ, — что оно «ищетъ опоры не въ физической, а моральной силѣ» и, «при отказѣ отъ старыхъ пасивныхъ приемовъ управления и отъ вышнихъ искусственныхъ средствъ», кладетъ въ основу своего управленія «не пасивіе и принужденіе, а добровольное повиновеніе свободныхъ гражданъ созданной ими самими власти». Проявлять «дѣй-

ствительную полноту власти» правительство сплочь и рядомъ не столько не хотѣло, сколько не могло. Милюковъ самъ напоминаетъ, какъ, наприимѣръ, приказъ главнокомандующаго петроградскимъ округомъ ген. Половцева, отданный воинскимъ частямъ въ июльскіе дни, «приступить немедленно къ восстановленію порядка», остался «мертвой буквой».

Въ этомъ сознаніи безсилія власти были секретъ и крайней «демократизаціи» арміи, и крайней внѣшней политики, и социального радикализма, даже Терещенко и Коновалова, и «очень чувствительныхъ воззваній» кн. Львова. Правительству «приходилось плыть по теченію» часто потому, что другихъ средствъ передвиженія и продвиженія — а ниже мы увидимъ, что факта продвиженія и усиленія реальной власти правительства не отрицаетъ и Милюковъ — у него не было. Это и раньше понимали даже болѣе правые, нежели И. Милюковъ, политики. За Милюковымъ въ правительствѣ шло лишь небольшое меньшинство. Даже правые В. Львовъ и Годневъ, а не только «вѣчно колебавшійся» кн. Львовъ, примкнули къ «руководящей группѣ» въ правительствѣ, къ «тріумвирату» — Керенскій, Некрасовъ, Терещенко. И когда Милюковъ предложилъ кн. Львову въ двадцатыхъ числахъ апрѣля «послѣдовательно проводить программу твердой власти, пожертвовать А. Ф. Керенскимъ и быть готовымъ на активное противодействие захватамъ власти со стороны совѣта» (См. В. 1, 108), — это предложеніе было настолько ирреально, что даже единомышленники Милюкова въ правитель-

ствѣ не рискнули его поддержать. Даже Гучковъ, въ качествѣ военнаго и морского министра, не мѣнѣе, конечно, Милюкова готовый къ «активному противодействию захватамъ власти», отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, что нѣтъ возможности измѣнить «условія, въ которыя поставлена правительственная власть въ странѣ». Говорить теперь, что комиссия генерала Подиванова санкціонировала проекты совѣта солдатскихъ депутатовъ о вольностяхъ солдата «уже тѣмъ, что приняла ихъ къ рассмотрѣнію», значить по просту забыть ту обстановку и психологическую атмосферу, въ которой реально протекали событія въ мартѣ 17 года.

Съ другой стороны, то описаніе хаоса и случайности въ рѣшеніяхъ и дѣятельности петроградскаго совѣта, которое Милюковъ приводитъ изъ мемуаровъ одного изъ видныхъ дѣятелей совѣта, впоследствии верховнаго комиссара на фронтѣ, Станкевича, менѣе всего свидѣльствуетъ о томъ, что власть, упущенная въломствомъ внутреннихъ дѣлъ, оказалась въ рукахъ социалистическихъ партій. Нѣтъ, реальной власти и у нихъ не было. Бѣда была въ томъ, что въ то время въ Россіи вообще власти не было. Ею никто не обладалъ. Формально совѣтъ того времени не столько и претендовалъ на государственную власть, сколько ревновалъ правительствомъ и соперничалъ съ нимъ въ обладаніи моральнымъ авторитетомъ. Совѣтъ относился недоверчиво къ личному составу правительства. Это недоверіе питалось біографіей большинства членовъ правительства, бывшихъ врагами революціи и неожиданно

очутившимися на ее гребнѣ. Оно укрѣплялось стремленіями съ ихъ стороны сохранить или отсрочить упраздненіе монархической формы правленія въ Россіи, попыткой сохранить прежнія, «старорежимныя» цѣли войны (Константинополь), оставить неизблемымъ централистически - унитарное строеніе російской имперіи, замедлить преобразование ея соціальнаго строя.

Въ этомъ отношеніи П. Милуковъ самъ приводитъ рядъ чрезвычайно показательныхъ фактовъ, напримѣръ, тотъ, что уже въ мартѣ, т. е., еще до истеченія мѣсяца резолюціи, авторъ «Исторіи» въ роли министра иностранныхъ дѣлъ революціоннаго правительства, **уступая большинству** министровъ, согласился на опубликованіе заявленія о цѣляхъ войны, но не въ видѣ дипломатической ноты, а въ видѣ воззванія къ гражданамъ, и притомъ **въ такихъ выраженіяхъ, которыя не исключали возможности его прежняго пониманія** задачъ внѣшней политики и **не требовали отъ него никакихъ перемѣнъ** въ курсѣ этой политики». То, въ чемъ теперь, «исторически» и регрессивно, сознается авторъ маскарада, было, конечно, тотчасъ же замѣчено его политическими противниками, нашедшими выраженія документа «двусмысленными и уклончивыми» и грозившими начать кампанію противъ Временнаго Правительства ..

Еще въ апрѣлѣ одинъ изъ лидеровъ совѣтской политики, Данъ, подчеркивалъ. «Мы хотимъ, чтобы было сказано ясно и определенно, что въ обыкновенномъ нормальномъ теченіи своемъ это клевета будто совѣтъ рабочихъ и сол-

датскихъ депутатовъ хочетъ принять участіе въ осуществленіи государственной власти. Мы хотимъ, чтобы было сказано, что власть это — Временное Правительство». Еще 29 апрѣля на прямое приглашеніе Временнаго Правительства принять участіе въ «ответственной государственной работѣ» въ качествѣ «активной творческой силы», Исполнительный Комитетъ петроградскаго совѣта отвѣтилъ отказомъ. Здѣсь сказывалось опасеніе приобщиться къ сквернѣ буржуазной государственности. И только въ ходѣ революціи, въ частности, въ процессѣ борьбы противъ приведеннаго выше воззванія и его автора — министра иностранныхъ дѣлъ, соперничество совѣта съ правительствомъ и «контроль» за нимъ принять форму борьбы за реальную власть. Какъ разъ въ тѣ дни совѣтъ обратился къ петроградскому гарнизону со своимъ прискорбнымъ, вскрытымъ существованіе второго держателя власти, воззваніемъ: - «Только Исполнительному Комитету принадлежить право располагать вами (товарищами-солдатами). Каждое распоряженіе о вызовѣ воинской части на улицу (кромѣ обычныхъ нарядовъ) должно быть отдано на бланкѣ Исполнительнаго Комитета, закрѣплено его печатью, подписано и т. д.»

Много, слишкомъ много было «подводныхъ камней», о которые суждено было разбиться русской революціи. Много, слишкомъ много было совершено русскими политическими партіями, въ томъ числѣ и социалистическими, ошибокъ и преступленій. Но «похоти» власти среди этихъ грѣховъ и камней не было. Избыткомъ воли къ

власти российская демократія не сгратала. Скорѣе, наоборотъ, она страдала отъ недостатка таковой воли. И въ лебединой пѣснѣ русской объединенной демократіи, въ деклараціи, оглашенной 14 августа на московскомъ государственномъ совѣщаніи, точно передано характерное для нея настроеніе — «Революціонная демократія не стремилась къ власти, не желала монополіи для себя... Она была готова поддерживать всякую власть, способную охранять интересы страны и революціи... Она стремилась организовать и дисциплинировать народныя массы для государственнаго творчества, направлять стихійныя стремленія народа-гиганта, сбрасывающаго въковыя цѣпи, въ русло правотѣрности, работать надъ возстановленіемъ боеспособности арміи... интересы цѣлаго ставятъ выше интересовъ отдѣльныхъ классовъ» и т. д. Но она натолкнулась на «безчисленныя противорѣчія», и въ первую очередь — на «отсутствіе навыковъ къ организованной дѣятельности»... И даже послѣ одержанной побѣды надъ возставшимъ Корниловымъ Церетели предостерегаль петроградскій совѣтъ: «Не переоцѣнивайте своихъ силъ! Вѣдь если заговоръ Корнилова не удался, то исключительно потому, что не былъ активно поддержанъ всей буржуазіей... Было бы величайшимъ несчастіемъ, еслибы власть попала въ руки одного лишь класса»...

Можно и должно скорбѣть о ходѣ и исходѣ русской революціи. Но нельзя этому чувству законной скорби подчинять фактическое изображеніе революціи, особенно когда оно претендуетъ быть исторіей. Только въ идеѣ разумъ все-

гда умудряется найти благополучный выходъ изъ всякаго положенія. Въ жизни часты положенія, для которыхъ благополучнаго исхода не дано. Такъ, увы, случилось и съ русской революціей, которой предстояло или заключить сепаратный миръ и спастись или продолжать войну и погибнуть. Она предпочла погубить себя, но сохранить свою душу, не поддаться безчестью. Можетъ быть, это было нерасчетливо, сентиментально, характерно для «славянской души» Но такъ было. Объективная безысходность положенія создала трагедію личную и коллективную, для отдѣльнаго Львова или Керенскаго и для русскаго народа въ цѣломъ. Но въ началѣ была безысходность положенія, а потомъ — субъективныя ошибки, грѣхи и трагедіи.

Милюковъ правъ въ своихъ обличеніяхъ революціонной демократіи въ утопизмъ, максимализмъ, растерянности и двойственности въ словахъ и дѣлахъ. Но тѣ же обвиненія съ неменьшимъ основаніемъ могли бы быть предъявлены и къ неревoluціонной демократіи, максималистически отстаивавшей Константинополь для Россіи, когда были потеряны Варшава и Рига, утопически мечтавшей ввести въ спокойное русло революціонную стихію и растерявшейся настолько, что даже своего собственного превращенія изъ Савла въ Павла революціи она почти не замѣтила... Это возраженіе можетъ быть обращено къ Милюкову — участнику революціи. Къ Милюкову — историку революціи упрекъ, конечно, совѣмъ

другого порядка — переоценка имъ злой воли революціонной демократіи и переоценка имъ реально данной въ 1917 году русской дѣйствительности, съ ея исторіей и географіей, социальными связями и политической культурой. Неправильное соотношеніе въ той и другой оцѣнкѣ дѣлало ирреальными и утопическими наиболѣе, казалось бы, реалистическіе въ другой обстановкѣ планы.

Насколько подвижна и измѣнчива въ революціи психологія даже весьма квалифицированныхъ коллективовъ, насколько отклоняется она отъ обычныхъ нормъ, можно судить хотя бы по незначительному эпизоду, рассказанному Милюковымъ, изъ жизни руководимой имъ партіи. 23 іюля съѣздъ партіи к.-д. въ Москвѣ послѣ ряда «блестящихъ рѣчей» одобрилъ отказать к.-д. войти въ коалиціонный кабинетъ Керенскаго. А черезъ 24 часа у того же съѣзда, спѣшно перенесеннаго изъ Москвы въ Петроградъ, подъ влияніемъ другой, не менѣе блестящей рѣчи «сложилось прямо противоположное настроеніе» ..

Эта рѣчь П. Милюкова исключительно интересна и въ другомъ отношеніи.

Тогда, 24 іюля 17 года, Милюковъ-политикъ признавалъ : «Въ рядѣ выступленій самыхъ вліятельныхъ вождей социалистическихъ теченій — такихъ, какъ Керенскій, Церетелли, Черновъ, Скобелевъ и др. — можетъ считаться установленнымъ, что революція не считается социалистической, что организованная часть демократіи составляетъ лишь поверхностный слой на океанѣ народныхъ массъ. . . что государство должно остановить разрушеніе

промышленности стихійнымъ ростомъ рабочихъ требованій. Остается словесный споръ о томъ, слѣдуетъ ли «сохранить завоеванія революціи» или «продолжать и углублять ее». И даже для этого словеснаго спора Милюковъ іюля 17 года находимъ справедливое примиреніе «Безспорно, революція продолжается въ смыслѣ осуществленія тѣхъ задачъ, которыя она поставила, но революція кончена въ томъ смыслѣ, что законченъ процессъ кроваваго разрыва съ прошлымъ». Съѣздъ внялъ доводамъ своего лидера, и — «въ концѣ концовъ, убѣдился, что не было другого выхода, кромѣ попытки усилить власть изнутри, ибо путь пасальственный, намеки на который уже слышались на съѣздѣ, привели бы лишь къ гражданской войнѣ».

Приходится констатировать, что у политика Милюкова въ іюлѣ 17 года чувство дѣйствительности было сильнѣе развито и правильнѣе выражено, чѣмъ у Милюкова-историка въ 18 году. Раньше онъ непосредственно ощущалъ безысходность положенія. Конструируя же свою «Исторію», онъ былъ во власти уже совсѣмъ другихъ чувствъ. Ощущеніе объективной безвыходности смѣнилось чувствомъ раздраженія противъ субъективныхъ виновниковъ срыва революціи. И его «Исторія» оказалась не только, употребляя слова Милюкова по другому адресу сказаннаго, матеріаломъ пища, «ведшаго собственную защиту передъ потомствомъ», но и обвинительнымъ актомъ, составленнымъ подъ маской исторіи, противъ политическихъ противниковъ. Направленный противъ всей лѣвой «революціонной демократіи» и заострен-

ный специально противъ Керенскаго, этотъ обвинительный актъ, какъ и всякій другой, не только односторонень и несправедливъ, но и противорѣчивъ.

Изъ многихъ противорѣчій мы остановимся для иллюстраціи только на одномъ, — на оцѣнкѣ Миллюковымъ характера правительственной власти за время революціи.

Параллельно съ обвиненіемъ социалистическихъ партій въ захватъ власти, правительства всѣхъ составовъ обвиняются Миллюковымъ въ бездѣйствіи власти. Обвиненіе поддерживается по обоимъ пунктамъ («захватъ» и «бездѣйствіе» власти) по отношенію къ обоимъ подсудимымъ (соціалисты и правительство) даже и тогда, когда, по мнѣнію обвинителя, захватъ уже произошелъ, а оба обвиняемыхъ слились почти воедино, — правительство почти всецѣло подпало подъ монопольное вліяніе соціалистовъ. Миллюковъ различаетъ три фазиса бездѣйствія власти, пройденные революціонными правительствами. бездѣйствіе безсознательное и наивное (кн. Львовъ); бездѣйствіе, основанное на убѣжденіи (политика Церетелли) и бездѣйствіе, прикрывающееся фразой (Керенскій). Но факты, которые приводитъ самъ же Миллюковъ, рѣзко противорѣчатъ этой картинѣ сплошного и огульного бездѣйствія революціонной власти.

Поскольку и Миллюковъ различаетъ степени и тенденціи, и онъ вынужденъ признать фактъ постепеннаго усиленія власти революціоннаго правительства, прогрессино возрастающаго вплоть до новаго распыленія... послѣ корниловскаго возстанія. Онъ долженъ признать, что событія 21-22

апрѣля — отставка Миллюкова министра иностранныхъ дѣлъ — явилась поворотнымъ пунктомъ для «пріятія войны» и «пріятія власти» соціалистами, руководившими политикой совѣтовъ. «Юные энтузіасты зачастую тутъ впервые поняли, лишить Миллюкова, что дѣйствительность не поддается передъ ихъ волевыми усиліями, что пріятія для осуществленія ихъ безплотныхъ идеаловъ вовсе не протекаютъ изъ недобросовѣстности и изъ злой воли «буржуазной» власти», а изъ реальныхъ условий этой самой дѣйствительности». Миллюковъ рассказываетъ, какъ передъ тысячной толпой делегатовъ I-го съѣзда совѣтовъ выступали министры соціалисты и «вмѣсто демологическихъ призывовъ старались дѣлать рядомъ логическихъ данныхъ охладить пылъ неосвѣдомленной «революціонной демократіи» и свести ее съ заоблачныхъ высотъ социалистической теоріи въ міръ трезвой дѣйствительности... Церетелли и въ особенности Черновъ — настойчиво повторяли теперь сами то, въ чемъ тщетно убѣждали ихъ раньше П. Н. Миллюковъ: именно, что нельзя «ультиматумами» заставить союзныя правительства принять тезисы Циммервальда и Кинтала. Церетелли долженъ былъ говорить о необходимости имѣть боеспособную армию и о томъ, что, по военнымъ соображеніямъ, этой арміи, быть можетъ, придется въ моментъ, ему неизвѣстный и составляющей военную тайну, перейти въ наступленіе Керенскій выступилъ съ обличеніями противъ братанія на фронтѣ. Скобелевъ и Черновъ указывали на невозможность для государства взять на свои плечи организацію

производства. Онъ доказывалъ также неспособность большевистскаго рѣшенія національныхъ вопросовъ путемъ возбужденія сепаратизмовъ. И даже — онъ признавалъ невозможнымъ рѣшить аграрный вопросъ путемъ организованнаго захвата земель... Еще болѣе рѣшительнымъ тономъ говорили министры труда и продовольствія...» (В. I, 206).

Правительство хотѣло быть сильнымъ, — вынужденъ признать и Милюковъ, тутъ же прибавляющій, впрочемъ, что глава Правительства, Керенскій, хотѣлъ сильнымъ лишь **казаться** (В. II, 127) «И въ самомъ дѣлѣ вторая коалиція въ первыя недѣли своего существованія проявила умѣние и готовность исправить многія ошибки первой коалиціи, — отмѣчаетъ авторъ, забывая лишь подчеркнуть, что всего недѣлями исчерпывалось и самое существованіе каждаго изъ правительствъ февральской революціи. Уже съ начала іюля власть правительства стала крѣпнуть въ національныхъ и внутреннихъ вопросахъ. «Изъ создавшагося конфликта съ Финляндіей Временное Правительство (новаго состава) нашло вполнѣ конституціонный выходъ... Въ украинскомъ вопросѣ оно вышло изъ затрудненій еще болѣе удачно, чѣмъ въ вопросѣ финляндскомъ». «То обстоятельство, что правительство смогло провести рѣшеніе о созывѣ Государственнаго Совѣщанія въ Москвѣ, а совѣты стерпѣли его, показывало, дѣйствительно, какъ глубоко изменилось соотношеніе силъ послѣ вооруженнаго возстанія 3-5 іюля и прорыва, въ ближайшіе дни, русскаго фронта (въ Тарнополь)».

Можно прибавить, что изъ справки, опубликованной ставкой Верховнаго Главнокомандованія на 19 сентября 17 года видно, что переброска нѣмецкихъ войскъ съ русскаго на французскій фронтъ совершенно прекратилась во второй половинѣ мая; къ началу іюньскаго наступленія соотношеніе силъ стабилизировалось на обычной нормѣ, а въ іюль и августѣ общее количество австро-германскихъ войскъ на русскомъ фронтѣ даже увеличилось на девять дивизій и 640 тяжелыхъ орудій, правда качественно болѣе слабыхъ.

Къ концу августа власть замѣтно для всѣхъ стала крѣпче и организованнѣе. Совѣты утрачивали свое вліяніе, будучи вытѣсняемы органами земскаго и городскаго самоуправленія, избранными на основѣ всеобщаго голосованія. «Правы тѣ, кто указывалъ, что совѣты два мѣсяца тому назадъ были сильнѣе. Мы, дѣйствительно, стали слабѣе, — говорилъ послѣ іюльскаго кризиса власти наиболѣе авторитетный лидеръ совѣтовъ Церетелли. Соотношеніе силъ изменилось не въ нашу пользу». И этотъ самый моментъ силы, жаждавшія ударить по лѣвому, большевицкому хвосту февральской революціи, выбрали для того, чтобы ударить по центру, по правительству, «бездѣятельному и колеблющемуся». И только-только начавшая выпрямляться и крѣпнуть власть снова утратила съ такимъ тяжкимъ трудомъ добытое равновѣсіе. Вынужденное опереться и на большевицкое охвостье въ борьбѣ противъ ген. Корнилова, правительство революціи пало жертвою этого охвостья.

*
**

Неудача корниловскаго возстанія въ концѣ августа была, хронологически и политически, **ближайшей** причиной большевицкой удачи въ октябрѣ 17 года.

Конструируя исторію революціи, П. Н. Милюковъ приписываетъ **обывателю**, что это онъ, — «видя безсиліе и связанность **данной** власти, начиналъ искать **другой, настоящей**. И, смотря по политическому настроенію, за Керенскимъ уже вырисовывались — либо Корниловъ, либо Ленинъ». Надо ли подчеркивать, что эти настроенія и проiski гораздо сильнѣе были среди политиковъ опредѣленнаго толка, нежели среди обывателей. Не обыватель придумалъ формулу, до сихъ поръ еще пользующуюся успѣхомъ въ опредѣленныхъ, правыхъ кругахъ даже эмиграціи. — лучше ленинцы, чѣмъ полуленинцы, лучше волевые коммунисты, чѣмъ безвольные и «постоянно колеблющіеся» социалисты. Не обыватель, а «русскіе общественные круги, въ частности кадеты обѣщали намъ свою полную поддержку, — читаемъ мы у сподвижника ген. Корнилова ген. Деникина («Очерки Русской Смуты». Т. II, стр 33). Мы были у Милюкова и Рябушинскаго. И та, и другая группа обѣщали поддержку у союзниковъ, въ правительствѣ, печати и деньгами».

П. Милюковъ рассказываетъ въ своей «Исторіи» о все возрастающемъ «нетерпѣннн патріотически настроенныхъ группъ»; о томъ, что одно время на роль замѣстителя правительства выдвигался ставшій впоследствии верховнымъ правителемъ въ Сибири адм. Колчакъ, причемъ «конечно (!),

замѣна мыслилась въ иномъ порядкѣ, чѣмъ порядокъ переговоровъ и соглашеній съ органами революціонной демократіи»... Къ іюлю, во всякомъ случаѣ не позднѣе іюля, относится подготовка переворота, въ которой приняли участіе Шульгинъ, В. Н. Львовъ, полковникъ Новосильцевъ, оренбургскій казачій атаманъ Дутовъ, позднѣе признававшійся, что между 28 августа и 2 сентября въ Петроградѣ долженъ былъ выступить онъ самъ, «подъ видомъ большевиковъ», т. е., съ провокаціонной цѣлью. Цитируя записки Винберга (одного изъ участниковъ мюнхенскаго кружка монархисговъ, вдохновившихъ покушеніе на убійство Милюкова, при которомъ былъ убитъ Набоковъ), — авторъ «Исторіи» описываетъ, какъ между находившимися въ Петроградѣ офицерами-заговорщиками были распределены роли для захвата броневыхъ автомобилей, ареста Временнаго Правительства, арестовъ и казней наиболѣе видныхъ и вліятельныхъ членовъ совѣта и т. д. (В. II, 171).

Post hoc обнаружилось, какой утопией и химерой была затѣя сочувствовавшихъ выступленію Корнилова круговъ. По сравненію съ нею «путчъ» Каппа въ Германіи — верхъ обдуманности и совершенства. П. Н. Милюковъ, въ заботѣ о своей политической прозорливости, очень умно дѣлаетъ, когда напоминаетъ, что въ личной бесѣдѣ съ Корниловымъ въ Москвѣ онъ еще 13 августа предупреждалъ Корнилова о **несвоевременности** борьбы съ Керенскимъ. Но исторически, въ поискахъ причинъ октябрьской катастрофы, онъ находитъ ее не въ нецѣлесообразности и даже не въ

несвоевременности выступления Корнилова, а въ «положеніи, которое создалъ своей борьбой съ Корниловымъ Керенскій». Сводя всё разѣдавшія революцію противорѣчія и конфликты къ личной альтернативѣ: Корниловъ или Ленинъ, — авторъ «Исторіи» крушеніе февральской революціи сводитъ къ тому же субъективному моменту — Керенскій, «не желавшій попасть въ руки Корнилова» *), попалъ въ руки Ленина. «Понималъ ли Керенскій что объявляя себя противникомъ Корнилова, онъ выдаетъ себя и Россію съ руками Ленину?»

Въ тотъ момент, когда Корниловъ выступилъ противъ Керенскаго, врядъ ли многіе понимали, что объективно это выступленіе равнозначно выступленію въ пользу большевиковъ. Во всякомъ случаѣ, Керенскій не могъ не объявить себя противникомъ Корнилова и не потому только, что ему лично ставка готовила «лечаянное» убійство, но и потому, что солидаризація Керенскаго съ Корниловымъ, не Корнилова укрѣпила бы, а Керенскаго политически бы погубила. О корняхъ корниловскаго движенія и сочувствіи къ нему со стороны «обывателя»

*) «Ординарецъ» ген Корнилова, проходимецъ Завойко, едва ли не главный инстигагоръ всего Корниловскаго заговора и выступленія, говорилъ «честному маклеру» В. Н. Львову «... Развѣ Корниловъ можетъ поручиться за всякій шагъ Керенскаго? Выйдетъ онъ изъ дома, ну и убьютъ его. Ничего ужаснаго нѣтъ! Его смерть необходима, какъ вытяжка возбужденному чувству офицерства» (В. П., 197).

можно судить по молчаливости и безкровности его ликвидаціи, по отзыву хотя бы того же атамана Дутова: «Я бѣгалъ въ экономическій клубъ (контръ-революціонная организація въ Петроградѣ, возглавлявшаяся Крупенскимъ) звать выйти на улицу, да за мною никто не пошелъ». О вліяніи же Керенскаго особенно на армію, не заблуждается и Миллюковъ. Онъ указываетъ, что и «во время московскаго совѣщанія всѣмъ было ясно, что Керенскій, несмотря на провалъ, все-таки не потерялъ еще того обаянія, которымъ пользовался ранѣе», и что даже послѣ корниловщины Керенскій оставался «при всѣхъ оговоркахъ единственнымъ изъ видныхъ политиковъ, которому еще вѣрила армія». Спрашивается, кто выдавалъ въ такомъ случаѣ Россію Ленину, тѣ ли, кто объявляли себя противниками Корнилова, или тѣ, кто въ данной обстановкѣ, объявили себя противниками «единственнаго» человѣка, которому еще вѣрила армія?

Трудно сказать, кто сильнѣе ненавидѣлъ Временное Правительство, возглавлявшееся Керенскимъ, правые ли, сочувствовавшіе Корнилову, или большевики. Но большевики отдавали себѣ отчетъ въ обстановкѣ и, отмѣнивъ назначенное ими выступленіе, подставили подъ ударъ Корнилова вмѣсто себя ненавистное имъ правительство Керенскаго. Корниловъ же не понималъ политическаго положенія — онъ вообще «по части государственно-правовыхъ понятій былъ слабъ», по характеристикѣ Миллюкова — съ такимъ же азартомъ, который былъ у него накопленъ противъ большевиковъ, онъ обрушился на единственно

возможное антибольшевицкое правительство, заподозрѣнное имъ въ попустительствѣ большевизму. Въ итогѣ — пораженіе Корнилова сказалось побѣдой не столько для правительства, сколько для третьяго радующагося, для большевиковъ. Исторически это неоспоримо, и лишь политически можно «интерпретировать» и «конструировать» ходъ событий иначе.

Излагая ходъ конфликта между Керенскимъ и Корниловымъ, Милюковъ особенно часто прибѣгаетъ къ психологическому анализу и догадкамъ о томъ, что каждый изъ главныхъ участниковъ драмы «видимо» думалъ, «вѣроятно» предполагалъ, «повидимому» учитывалъ. Пригоденъ ли такой психологическій ключъ для историческаго познанія, и годится ли какъ разъ въ данномъ случаѣ П. Н. Милюковъ для роли такого «ключаря»? Милюковъ, выступавшій, правда, неудачно, посредникомъ между Керенскимъ и Корнило-

вымъ, какъ будто бы по одному этому, не говоря уже о партійно-политической его заинтересованности, въ лучшемъ случаѣ могъ бы быть свидѣтелемъ въ дѣлѣ, а никакъ не адвокатомъ или прокуроромъ и тѣмъ болѣе слѣдователемъ. Достаточно прочесть страницы, посвященныя въ «Исторіи» характеристикѣ Керенскаго, чтобы убѣдиться въ томъ, что политика въ ней играетъ большую роль, нежели подлинная исторія, и что Милюковъ игралъ слишкомъ большую роль въ событіяхъ февральской революціи для того, чтобы быть ея нелицепріятнымъ историкомъ. Въ описаніи конфликта Корнилова съ Керенскимъ въ «Исторіи» особенно явственно проступаетъ печать времени и мѣста ея составленія — Ростова на Дону, въ концѣ 1917 и началѣ 1918 годовъ, обороняемаго генераломъ Корниловымъ.

Маркъ Вишнякъ.